1141 Низами Гянджеви 1981

Народный художник СССР Микаил АБДУЛЛАЕВ в честь 840-летия Низами Гянджеви сделал иллюстрации к юбилейному изданию «Хамсэ». Сегодня мы печатаем статью художника, в которой он рассказывает о своей большой работе.

На снимках: репродукции с рисунков Микаила АБДУЛЛАЕВА.

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ В МУЗЫКЕ НАШИХ ДНЕЙ

К юбилею Низами Гянджеви композиторы Азербайджана создают новые музыкальные сочинения, посвященные знаменательной дате. В разгаре работа над балетами «Низами» Фикрета Амирова и «Искендернамэ» Рауфа Гаджиева. Закончен цикл романсов для женского голоса и симфонического оркестра Васифом Адигезаловым.

Среди музыкальных произведений, создающихся к 840-летию Низами, сочинение Джангира Джангирова для хора и оркестра на фрагмент поэмы «Искендернамэ», романсы Севды Ибрагимовой, Тельмана Гаджиева, Рашида Шафага, Рашида Эфендиева (Насиб оглу).

Завершены работы молодых композиторов: две газели для сопрано и струнных Джалала Аббасова, поэма для хора «Сказание о Низами» Мамеда Кулиева. Примечательно, что хоровая поэма М. Кулиева написана на стихи молодого азербайджанского поэта Алекпера Салахзаде. Интерес творческой молодежи Азербайджана к образу Низами не случаен — это свидетельство жизненности искусства поэта, его ценности для наших современников. В настоящее время Азербайджанской государственной хоровой капеллой ведутся репетиции хоровой поэмы «Сказание о Низами».

Р. САФАРАЛИБЕКОВА.

НИЗАМИ: МОТИВЫ «ХАМСЭ»

Цель моего скромного труда, посвященного светлой памяти великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви, — наряду с художественно-изобразительным преломлением творческого мира поэта, высветлить и его личную судьбу, среду, современную эпоху, в которой он жил и творил.

Естественно, в первую очередь были отобраны характерные мотивы для каждой из поэм всемирно прославленной «Пятерицы».

Поэма «Сокровищница тайн», считающаяся образцом философско-дидактического произведения во всей восточной литературе, состоит из двадцати поэтических глав-рассказов. Останавливая выбор на главах, несущих в себе социальные и философские идеи и выводы, таких, как «Анушираван» и беседа двух сов», «Султан Санджар и старуха», «Дастан о резчике кирпича», «Охотник, гончая и лиса», «Фирудин и лань», «Соловей и сокол», можно составить, как мне кажется, желаемое, то есть конкретное представление о поэме в целом. Эти шесть фрагментов, по редкостным достоинствам, высокой художественности в состоянии с честью представлять столь оригинальное творение, как «Сокровищница тайн».

Поэма «Хосров и Ширин», отображающая сквозь магический кристалл бездны человеческой души, ее контрасты и противоречия, величие любви и творчества, мощь и диссонансы человеческого разума и гения, построена на основе легенды о сасанидском правителе Хосрове Парвизе и кавказской красавице Ширин. Из этого, изобилующего приключениями поэтического повествования отобрано семь сюжетов: «Шапур вновь показывает портрет Хосрова», «Купание Ширин», «Выход Ширин из шатра», «Хосров и Ширин играют в човган», «Фархад, рассекающий скалы», «Фархад на горе Бисутун», «Фархад и Ширин».

Из поэмы «Лейли и Меджнун» — волнующей песни возвышенной и чистой любви, гимна романтике человеческого духа, отобраны сцены «Влюбленные», «Разговор Меджнуна с вороной», «Встреча Меджнуна с отцом», «Свидание Лейли и Меджнуна», «Меджнун оплакивает смерть Лейли», наиболее характерные для поэмы.

В «Семи красавицах», поэтической версии жизни и правления сасанида Бахрама Пятого (Бахрама-Гура), сына Ездигорда Первого, изобразительная трактовка ориентировалась на лейтмотивные фрагменты; примером могут служить: «Рассказ о Симнаре и возведение замка Хаварнак», «Бахрам отнимает корону у двух львов», «Бахрам после охоты посещает воеводу».

Красной нитью проходит через «Искендернамэ» — двуединый свод поэм («Книга славы» и «Книга будущего») — идея о социальной справедливости и гармонии, о просвещенной и гуманной власти, персонифицированной поэтической фантазией в образе Искендера — Александра Македонского. Великий поэт-гуманист оправдывает войны, которые его герой-правитель ведет не ради разбоя и захватничества, а во имя сплочения, единства и человечности. Низами хотел видеть реальное историческое лицо как «своего Искендера», как идеальную личность и идеального правителя. Того литературного Искендера, который после покорения Персии вывозит оттуда только книги... Эти, взятые в основу черты, и подсказали отобранные сюжеты: «О написании «Книги славы», «Восшествие Искендера на престол», «Убийство Дария военачальниками», «Прибытие Искендера в Азербайджан и его встреча с правительницей Барды Нушабе», «Взятие Искендером крепости Дербент», «Рассказ о художнике Мани», «Освобождение Нушабе из плена» («Книга славы»), «Дастан об Искендере и пастухе», «Искендер уединяется с семью учеными» («Книга будущего»).

Оформление настоящего альбома начинается с футляра, на обложках которого дана репродукция из моей трехчастной картины «Ахи» («Братство»). Движение «средневековой секты «ахи» («братьев»), имевшее общественную значимость для своего времени, объединяя прогрессивно мыслящих художников, разнородных по ремеслу мастеров, преимущественно молодых и бессемейных, призывало к протесту против социальной несправедливости.

В рамках картины «Ахи» нашли отображение находки, относящиеся к XII веку — образцы ручных изделий народных умельцев — современников Низами. Бессмертная «Пятерица» — ровесница этих образцов.

Иллюстрированный материал в книге размещен с определенной последовательностью. Вслед за портретом поэта, в заставке к предисловию, дана воображаемая панорама «Родины поэта» — древней Гянджи, подвергшейся разрушительному землетрясению: раскалывание пика Кяпаза, пронзавшего облака, зарождение волшебного озера Гекгель, как бы из слез, пролитых потрясенной природой, руины в закатных лучах, видение безнадежно бредущего каравана и силуэт скулящей собаки — все это аккорды, внушающие определенное настроение.

Раздел, посвященный жизни и личности поэта, начинается портретом его и деде Зеки Муаййада.

Графический лист «Семья» воспроизводит маленького Ильяса с родителями. Здесь оттенен тот факт, что мать поэта была по национальности курдянка, и то, что отец, Юсиф, был состоятельным человеком. Что же касается облика самого Низами, то в иллюстрациях к предисловию варьируется один и тот же образ, сообщающий о разных периодах жизни — в основу его была принята в период 800-летнего юбилея поэта и ныне общеизвестная трактовка (художник Г. Халыгов), соблюдаемая в каждом моем варианте.

В русском же варианте иллюстрации преимущественно решены в акварельной технике. Этот акварельный цикл, созданный в начале 70-х годов, представляет собой часть первоначальных вариантов художественного оформления станции Бакинского метрополитена, носящей имя Низами. Новые композиции, созданные на основе этих работ и составившие нынешние мозаичные панно станции, представлены в английском варианте издания.

Несколько подробнее хотел бы сказать о работе «Художник Мани». На первый взгляд, эта тема в «Искендернаме» может показаться преходящей, второстепенной. Но, касаясь ее, я счел долгом акцентировать момент иного порядка. До Низами в истории азербайджанской литературы и культуры мы не слышали ни одного упоминания о художниках Востока. Иные даже полагали, что Мани — вымышленный литературный персонаж. На самом деле Мани был реальной исторической личностью (216—276 гг. н. э.).

Естественно, воплощение образа первого известного художника Востока Мани требовало соблюдения исторической достоверности. В те времена, то есть в третьем веке, исламской веры еще не было и в помине. Уподоблять этот образ традиционному «мусульманину» было бы неверно. Мани, предпринявший попытку соединить зороастризм, христианство и частично язычество, создает школу, снискавшую большой авторитет во многих странах Востока, нашедшую многих приверженцев и последователей. Сасанидский шах Бахрам I, встревоженный этим влиянием, повелевает бросить Мани в темницу, и после многих пыток и терзаний Мани был казнен. При воссоздании образа, бесспорно, надо было ориентироваться на эти источники, равно как при трактовке Искендера мы опираемся не на восточные миниатюры XV—XVI веков, облачавших правителя в мусульманскую «абу», а на достоверные исторические справки.

Еще сорок лет тому назад, обратившись к «Искендернаме», я создал первое свое полотно маслом — «Наставление». Здесь юный Искендер с сыном Аристотеля внимают старому философу. Эта картина явилась для меня творческим экзаменом. Отмечу, что еще в этой работе я стремился к реалистическому письму и до сих пор остаюсь верен этим принципам. Стремление к «высокому реализму» стало моим кредо. Созданные мной в 1945—46 годах различные работы по поэме «Лейли и Меджнун» сблизили меня с большим советским мастером А. Дейнекой, высокая оценка которого безмерно воодушевила меня и побудила к мысли продолжить обращение к творческому миру великого поэта.

Я всегда с чувством глубокой признательности буду помнить таких видных ученых, как Е. Э. Бертельс, Б. Денике, Г. Араслы, М. Дж. Джафаров, М. Мубариз и Р. Алиев, за то, что я благодаря им, хоть в малой мере, постиг тайны гения Низами, его поэтического мышления.

На родине поэта, в древней Гяндже, нынешнем Кировабаде, на базе памятника архитектуры XVII века «Зарраби», по инициативе городской партийной организации, создан небольшой музей. Основную часть экспозиции составили различные работы, посвященные жизни и творчеству Низами, которые автор этих строк преподнес в дар музею в знак любви к немеркнущей памяти великого поэта-гуманиста.

Микаил АБДУЛЛАЕВ.

УРОКИ ГЕНИЯ

Мы учимся у Низами. Его произведения возбуждают в сердце человека высокие чувства, развивают ум, воодушевляют на борьбу за равенство, справедливость, мир и счастье на земле. Он был одним из самых передовых людей своей эпохи. Вооруженный многими науками, Низами знал, и знал прекрасно, средневековую и древнюю литературу, историю, философию. Его творения подтверждают, что на великого поэта оказали большое воздействие не только письменная литература, но и фольклор, народное творчество. Стремление к высотам знания и непрекращающаяся жажда познания окружающего мира — вот главный урок Низами для нас, кто сегодня прикасается к великим вершинам человеческой мысли.

Филология — наука о литературе. Пять лет учебы — это пять лет знакомства с высшими достижениями мировой литературы, с произведениями Гомера и Данте, Гете и Шекспира, Пушкина и Толстого. Имя Низами стоит в одном ряду с именами этих бессмертных мастеров художественного слова. Великая гордость — знать, что ты посвятишь свою жизнь изучению литературы, у истоков которой стоял Низами. Великая честь и смелость — называть Низами своим учителем. Мы учимся у Низами. Вот уже почти восемь с половиной веков. И вчитываясь в строки великого азербайджанца, мы слышим его голос:

Все в совершенстве знай, уж лучше мастерить
Отличное седло, чем плохо шить папахи.

Уроки Низами — это всегда уроки совершенства.

Х. НИЯЗОВ,
студент филологического факультета АГУ имени С. М. Кирова.

БАЛЛАДА ОБ ОДНОМ ВЕЧЕРЕ

Нариман ГАСАНЗАДЕ

В ГОДЫ ВОЙНЫ В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ ПОЭТ НИКОЛАЙ ТИХОНОВ ВЫСТУПИЛ С ЧТЕНИЕМ СТИХОВ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ НА ВЕЧЕРЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ПОЭТА.

В далекий век Нева,
Оставив русло,
Рванулась в город,
смолкший над рекой,
Туманной ночью
Пушкин — гений русский—
Писал об этом,
потеряв покой...
А много лет спустя,
В ином столетье,
В том городе
у северных границ
Гремели пушки,
И рыдали дети,
И от пожаров —
Плавился гранит,
И потемнело над Невою
небо,
И город захлестнуло
море гнева.
Во мраке,
От зари и до зари,
Штыки писали летопись
земли.
Ложились комья колкие
на плечи,
От жаркого дыханья
таял снег...
А в полутемном зале
Целый вечер
Читал стихи
суровый человек.
Шли танки
по изрытому пригорку,
Казалось,
у домов похищен свет...
А он читал,
Поправив гимнастерку,
В солдатских сапогах —
седой поэт.
Вдруг отступали
беды и печали,
Молчал наган
на кожаном ремне.
Но строки —
громче гаубиц звучали,
Светились
в напряженной тишине.
И по врагу слова —
Как пули, били,
Хотел их каждый
До конца понять!
Они совсем
как полководцы были —
Могли в атаку
дерзкую поднять!
Сквозь сумрак злой
Нащупав россыпь света —
Тот человек сжимал
тетрадь в руке:
Стихи азербайджанского
поэта
Читал во мгле
На русском языке.
Пускай таилась смерть
в любом снаряде!..
Здесь не было ни взрывов,
Ни зимы.
И Тихонов,
в ослепшем Ленинграде,
К свободе звал
словами Низами.
Струились строки
над ночной дорогой.
Черновики ходили
по рукам.
И боль певца моей земли
далекой
Была понятна
русским пареньким...
За окнами вздыхали
мостовые,
Во тьме предместья
корчились от ран.
А в облаках
Гусейнбала Алиев,
Сжав зубы,
На последний шел таран.
...А он читал,
Слегка на сцене горбясь.
Ты подвигом тот вечер
назови!
Я и сегодня слышу
гулкий голос —
Вновь Тихонов
Читает
Низами!

Перевод
Александра Халдеева.

ОТ «ДЕИШМЭ» —К БАЛЕТУ

НИЗАМИ И АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ МУЗЫКА

Бессмертно творчество Низами Гянджеви — гениального поэта и мыслителя, 840-летие со дня рождения которого торжественно отмечается в эти дни. Художественный мир поэта — это мир не только далекого прошлого, но и современного ему родного Азербайджана. Поэзия Низами поражает нас масштабом и ясностью мысли, богатством чувств, могучей силой обобщения действительности, ярким мастерством художника, который владел и высокой музыкальной культурой. Поэт сознавал колоссальную силу социального воздействия музыки.

Поэтическое творчество Низами — живая энциклопедия, обобщенное отображение событий, людей, биение жизни целой эпохи. Оно убедительно свидетельствует о том, что, связанная со старинными традициями, музыка Азербайджана была широко распространена в народном быту, начиная от массовых уличных представлений кендирбазов и артистов кукольных театров до соколиной охоты и богато обставленных пиршеств правителей и дворцовой знати.

Многообразие музыкальной практики вызывало к жизни и жанровое многообразие. Одним из них следует считать соревнование певцов — «деишмэ», наподобие современных ашугских. Описанное в поэме «Хосров и Ширин» инструментально-вокальное состязание между знаменитым сасанидским певцом Барбедом и Накисом, по своей чисто внешней форме напоминает современное ашугское «деишмэ». Состязание начинает Накис исполнением на чанге песни в ладе мугама «Раст». Затем заиграл на ситаре Барбед и спел песню в ладе мугама «Ирак». Чередуя свои выступления, певцы исполнили песни, построенные в ладе мугамов «Новруз», «Исфаянек», «Хесари», «Ушшак», «Рахови» и «Зирэфкенд». Таким образом, не подлежит сомнению, что указанные в поэме Низами 8 мугамов, бытовали во времена поэта, и были они популярны среди музыкантов и певцов Азербайджана того времени. Следует отметить, что схема чередования ладов в исполнении Барбеда и Накиса с некоторыми изменениями и перемещениями сохранилась до наших дней. Нельзя не указать, что эти стройные музыкальные творения нашего народа не исчезли, а сохранились в памяти народной.

Значительное место уделено в поэмах Низами тэснифам и народным песням. Как пишет Низами, знаменитый певец Барбед знал много песен и тэснифов, сто из них он знал очень хорошо. Выступая перед Хосровом, певец выбрал из них лишь тридцать:

«Как пьяный соловей
решается не весь он,
Переливается
в его руках бербет,
Запас ладов явить
является Барбед,
Лишь тридцать
отобрал он
сладкозвучных песен
Ладами тридцатью,
что льется, как вино,
Ему пьянить людей
и зажигать дано».

О высокой музыкальной культуре Азербайджана XII века убедительно свидетельствует богатство музыкальных инструментов. Достаточно указать, что Низами приводит более тридцати названий музыкальных инструментов и среди них: саз, руд, бербет, ситар, кеннун, чанг, уд, сур, най, шейпур, робаб, дэф, дохул, нэфиркус, фэрай, занг, мусигар и др. Пользуясь современной классификацией, этот длинный перечень можно разбить на четыре группы — щипковые, смычковые, духовые и ударные.

Учитывая, что Низами неизменно насыщал свои поэмы образами, аналогиями, символами, заимствованными из арсенала музыкального искусства, следует признать, что творчество поэта представляет собой богатый источник для раскрытия картины развития музыкально-вокальной культуры нашего народа.

Прикасаясь к гениальным творениям великого Низами, азербайджанские композиторы вдохновенно стремились найти их «тональность» с тем, чтобы их «озвучание» было бы достойно художественного мышления их творца.

Одним из первых музыкальных произведений большой формы на темы произведений Низами стала опера Низи «Хосров и Ширин». В спектакле особенно выделяется оркестровка, получившая высокую оценку композитора С. С. Прокофьева. В музыке оперы запоминается ария Ширин, рассказ Шапура и танцы девушек. Образу поэта была посвящена опера А. Бадалбейли «Низами». В спектакле привлекли внимание зрителя отдельные драматически выразительные эпизоды: ария Низами «Фахрийе», большая ария Азры и ансамбль III акта. По мотивам Низами была написана композитором Султаном Гаджибековым детская опера «Искендер и чобан».

Жемчужиной мирового хореографического искусства по праву стали балеты «Семь красавиц» Кара Караева и «Легенда о любви» Арифа Меликова — высоко художественные произведения с богатым музыкальным языком.

Мотивы Низами нашли свое отражение и в других жанрах азербайджанских композиторов, и среди них: кантата «Низами» В. Гаджибекова, симфония Фикрета Амирова, симфоническая поэма «Бахрам Гур» композитора М. Ахмедова и др. Среди вокальных произведений шедевром музыкального мелодического мышления стали музыкальные газели Узеира Гаджибекова «Сэнсиз» («Без тебя») и «Севгили джанен» («Возлюбленная»). Следует отметить и «Уч тэсниф» («Три тэснифа») Кара Караева, «Гюлюм» («Цветок») Фикрета Амирова, «Кенлюм» Агабаджи Рзаевой, а также два романса композитора Бурштейна.

Сегодня Низами в своих поэмах встает перед нами как гигант, о котором можем говорить не только в смысле творческого обобщения богатейших поэтических традиций, но и в смысле обобщений музыкальной культуры исключительно большого диапазона.

Кубад КАСИМОВ,
кандидат исторических наук.

МЕДЖНУН И ФАРХАД

Владимир КАФАРОВ

И юноши
к ним устремляют свой взгляд,
И мы,
сединой убеленные.
Влюбленные оба —
Меджнун и Фархад,
Но как непохоже влюбленные!
Меджнун
(это было когда-то вдали —
В Ираке, а, может быть, в Йемене)
Сын шейха,
как ровня,
влюбился в Лейли—
Дочь шейха соседнего племени.
И спекся.
В пустыню сбежал от людей,
И чудом уйдя от ошейника.
В бессилье повержен любовью своей,
Смирился с уделом отшельника.
Фархад же —
ремесленник,
простолюдин,
С мечтой о взаимности девичьей,
На подвиг
во имя царевны Ширин
Пошел,
затмевая царевичей.
Фархад не в барханы,
а в горы ушел,
Ваятель,
отважней воителей,
Он взялся за труд,
что безмерно тяжел,
Канал прорубая живительный.
Два образа,
оба влекущи,
но тут
Есть разница,
вот она, кратенько:
К Меджнуну толпой сострадальцы идут,
Фархад же скликает соратников.
Великий урок
Низами Гянджеви
Нагляднее с каждым столетием.
Безжизненный камень
возьми, оживи,
И жизнь твоя станет бессмертием.
Во имя любви,
не жалея труда,
Дома возводи
и дороги прокладывай.
Да будет влюбленный исполнен всегда
Высокою жаждой фархадовой!

НАШ ЗЕМЛЯК

Мирза КЕМПЕ
(Латвийская ССР)

Где ширваншахи?
Уж давно во прахе!
Не им
Твои оценивать
стихи,
Похваливая их
иль порицая!
...А ты живешь —
не потускнела слава!
А ты — живешь!
Бессмертие твое —
Как озеро Гекгель
в предгорьях синих...
Не будешь
больше ты
Служить владыкам!
Народу своему
теперь ты служишь!
Свободен,
Наконец-то
ты свободен!
Зовет тебя
Земля твоя родная,
Где сохранился
добрый труд Фархада
И нежность
исступленного
Меджнуна,
Где в танце
изгибается Лейли,
И ткет ковры
красавица Ширин...
Проснулся
твой народ,
И, встретив утро,
Продолжил дело
смелого Фархада.
И вот —
В степи поднялся
Сумгаит.
И жизнь солончакам
Вода вернула.
О, Низами!
Ты брат и друг
любого
Кто сеет, пашет,
Строит или пишет.
Не потому ли
земляком считают
Тебя во всех концах
Отчизны нашей?!

Перевод
Александра Халдеева.

148